

А.Б. Баллаев

«Ранний капитализм» и перспективы социального государства

В понятии «социального государства», при всей его условности, зафиксирована реальность, которая с середины XX в. стала фактом жизни в Европе и затем постепенно в других частях планеты. Как известно, «социальность» государства реализуется в особом праксисе «социальной политики», что подразумевает создание образовательного и профессионального сегмента «социальной работы», бюджетное финансирование общественного сектора, т. е. систем образования, здравоохранения, в какой-то степени жилищного строительства и культурного обеспечения, даже и поддержки семьи в странах с низкой рождаемостью и т. д.¹ Прежде, в первой половине XX в., в XIX в. и ранее, ничем подобным государства практически не занимались, если не считать робких попыток О.Бисмарка. К нашему времени, несмотря на явную историческую новизну подобной деятельности государства, к ней уже привыкли и во многих странах относятся как к чему-то «естественному». Феноменальная данность и обыденная привычность праксиса вообще, не только в случае «социального государства», создает иллюзию понятности, т. е. познавательной достаточности соответствующего дискурса. Однако онтологическая новизна в социуме так просто не раскрывается. В данных обстоятельствах представляется нелишним подумать о «социальном государстве» в стилистике реалистического историцизма, без агрессивной оценочности.

Капитализм – проблема «начала» и «конца»

Для обоснования вышесказанного нужно напомнить о «начальности» («зачаточности», «эмбриональности») того исторического процесса, своеобразным (отнюдь не главным или основным) выразителем и частью которого стало «социальное государство» во всех своих ипостасях. К сожалению, в политической философии редко учитывается новизна, ограниченность во времени многих исторических практик: научных, технических, культурных и даже политических. В частности, таких, которые продолжают называть капитализмом. Они не так уж давно возникли и не столь закрепились в прошедшей истории, как обычно думают их апологеты и критики. Я имею в виду таких теоретиков, как Фернан Бродель, Иммануил Валлерстайн и известное количество приверженцев и отрицателей их идей.

Это необходимо пояснить. Во-первых, что может быть условнее и поверхностнее привычного деления исторических процессов на «ранне-поздние состояния», «детско-старческие периоды» применительно к формам общества, цивилизациям, государствам и т. п.! «Постиндустриализм», «постэкономическая формация», «Spätkapitalismus» – первое, что припомнилось из квалификаций настоящего времени. Столь же условны высказывания об «особых стадиях», «рождениях», аналогиях с «ростом – расцветом», и последнее всего чаще и неубедительнее высказывается относительно изменений в экономике с ее статистическими критериями. Причем это касается не только так называемого «капитализма», а любой квалификации какого-либо социального объекта во времени: царства в Египте, китайские династии, «эпохи» японской истории или различные градации в европейском средневековье, включительно до «высокого», и так далее. «Раньше-позже», «росток–цветок», «маленькое-большое», «дитя–старец» – все эти исходные аналогии, развенчанные еще неопозитивистами, в размышлениях об исторических процессах неизбежны, но они же и ограничивают, в спинозистском смысле, наше понимание реальной истории. Как же быть? Видимо, если эти неизбежные аналогии и квалификации применять, то уж лучше с поправкой на иллюстративные соображения.

Во-вторых, что важнее, «эмбриональность» или «начальность» наличествующего состояния капитализма можно признать потому, что фактическое продолжение расширения и соответствующее закрепление данной общественной формы на планете имеет место, оно не закончилось. Капитализм только-только подходит к реальной всемирности, для которой все, подводимое под идеологему «глобализации», суть средства и феноменальные проявления. Связь, торговля, финансовое «пространство», социокультурное сближение стран и континентов, даже такая верхушечная завитушка истории, как спорт («мировые чемпионаты!»), – все это имеет основой увеличение некоего фундаментального «общего порядка», обеспечивающего сближение-единение человечества. Но что такое этот порядок, дружно именуемый множеством ученых капиталистическим? Или, более точно, что же это за форма общества? Эта форма (как она понимается в марксистской традиции) задается фундаментальным отношением «наемный труд – капитал», со всеми пояснениями и дополнениями. При всей критике этого теоретического утверждения на практике его еще никто не отменил. Более того, можно смело утверждать, что все возможные читатели данного опуса, как и его автор, включены в это отношение, причем на одной его стороне. Мы все можем это засвидетельствовать даже на «суде истории», несмотря на все разговоры о конце, завершении этой экспансии, «конец капитализма», его «исходе» и т. п. Ведь и конструкции валлерстайновской школы лишь теоретически легитимируют наличное состояние этой общественной формы, почти не замечая, что пандемия системы «наемный труд – капитал» еще только распространяется по земному шару, во многом с подражанием классическим англосаксонским образцам, но нередко и далеко отходя от них. Истоки этого процесса в XVI–XIX вв., с указаниями на политико-экономическую специфику Венеции и Генуи, Нидерландов и Англии, как это принято у последователей И.Валлерстайна², как раз и фиксируют это «возникновение в отсутствии», как эмбрион есть не только «потенция человека», но и его реальное не-существование.

В принципе, «наличное бытие» общественной формы, видимо, как и любой формы, можно считать раскрывшимся = зрелым = определенным лишь тогда, когда оно обретает статус «субстанциональности», т. е. самостоятельного и независимого от внеш-

них факторов существования. Эту философскую аксиому нельзя использовать в виде отмычки к сложным историческим процессам, но относительно капитализма все выглядит именно так. Он реально утверждается или утвердится тогда, когда его существование уже не будет нуждаться в подпорке в виде эксплуатации-использования *докапиталистических* и *некапиталистических* социально-экономических форм, о чем писала еще Р.Люксембург в «Накоплении капитала», а затем это было развито в традиции Броделя – Валлерстайна. «Зрелость капитализма» предполагает, как минимум, преобразование бесконечного многообразия форм хозяйствования (производства) на планете по общему типу отношения «наемный труд – капитал», каковое и происходит на наших глазах. Напомним, что еще Маркс полагал, что крестьянство и ремесленники не охвачены этими отношениями. Добавим, что это означает, что в то время огромная часть населения планеты, целые континенты еще толком и не слышали о капитализме, несмотря ни на какую колонизацию. К XXI в. все уже полностью или почти полностью поменялось, наемный труд господствует. Конечно, данный процесс смены не совсем то, что понимается, по Р.Бреннеру, как пролетаризация, но и этот смысл в нем имеется.

В-третьих, классическое отношение «центр – периферия» мира-экономики на наших глазах изменяется. Система эволюционирует, «центр» все более расширяется, вплоть до условного «золотого миллиарда», и сам патриарх Валлерстайн вынужден записывать в Европу Австралию и Новую Зеландию, а Японию, ничтоже сумняшеся, многие теоретики спокойно именуют «западом» в экономическом смысле. Почти нет сомнений и в том, что так называемая «полупериферия» вскоре, видимо, получит реальное «большинство» в мировой системе. Растет ли количественно или пространственно периферия мирэкономки? Нет, не растет, если речь идет об относительно заметных отрезках исторического времени. За XX в. она несколько сократилась, и, несмотря на контртенденции, сокращение продолжится. Не исключены и иные сдвиги. Однако главное, что нужно подчеркнуть, что система изменяется, сохраняя свои исходные характеристики принципиального плана. Социальное неравенство растет, разрыв между богатством и бедностью на планете только увеличивается, можно уже вспоминать об «абсолютном обнищании» в марксовском смысле, как за-

метил где-то Валлерстайн. Более того, содержательные прогнозы ближайшего развития прямо исходят из тезиса о сохранении этих характеристик неизменными (как, например, у Д.Арриги в его прогнозах о будущей роли Китая в мир-экономике)³.

Трудно не согласиться с этими прогнозами. В свою очередь можно предположить, что существование капиталистической общественной формы как таковой, в ее «зрелом состоянии», которое и начнется после завершения мировой ее экспансии, будет более соответствовать той модели, которая в абстрактно-теоретическом виде представлена в «Капитале». То есть регионов и стран, сословий и классов, не вовлеченных в непосредственное отношение «труда» и «капитала», попросту не останется. Отметим для понятности, что общее отношение «труд – капитал» вовсе не исключает процессов усложнения социальных структур внутри этого отношения. Однако здесь назревает вопрос, требующий пояснения...

Отчего нет конца постоянным уверениям в «завершении» капитализма, его окончательном кризисе, приближении «точки бифуркации»? Напомним об ожиданиях Марксом и Энгельсом революции вместе с наступлением очередного экономического кризиса, о ленинской теории империализма как «эпохе кануна революций». И, наоборот, о свидетельствах опасности наступления социализма у таких его врагов, как Л.Мизес, Й.Шумпетер, Ф.Хайек в «Дороге к рабству» и др. Или вот такое современное утверждение: «Мы живем во все более хаотичном мире, что естественно для периода распада исторической системы. Можно быть уверенным лишь в одном: нынешняя система не может продолжать свое существование; ее внутренние механизмы разлагаются»⁴. Иными словами, ожидание конца капиталистического устройства общества типично для «левой» (и не только) теоретической мысли вот уже около двух веков, несмотря на постоянное отдаление ожидаемого в реальном времени. Отчего так?

Прежде всего, речь может идти об одной неустранимой иллюзии человеческого сознания, имеющей глубокие онтологические основания. К сожалению, большинство людей сохраняют установку, наиболее ярко когда-то выраженную Гегелем и состоящую в объявлении именно «своего времени» финалом-финишем мировой истории или, уже не у Гегеля, напротив, началом всех начал. Сознательно или бессознательно люди ведут «отсчет историческо-

го времени» от самих себя, от масштабов индивидуального бытия во времени. Признание незначительности «своего времени» хотя бы в некоторых аспектах или, того обиднее, смирение перед моментальностью его перед временем мировой истории редко проявляется у людей вообще, а у социальных теоретиков в частности. Даже такой мудрый человек, как Маркс, лишь в старости, после серьезных занятий всемирной историей, осторожно высказался о «времени капитализма», т. е. и о времени его собственной, Маркса, жизни и деятельности. В варианте известного письма к В.Засулич Маркс, сравнивая недолгую продолжительность «времени капитализма» с трансгисторической длительностью существования сельской общины, высказался о капитализме следующим образом: это «строй, который если рассматривать его исключительно с точки зрения возможного времени его существования, вряд ли стоит принимать в расчет в жизни общества»⁵. Высказано это в контексте обсуждения перспектив сельской общины, и тем самым оценка «времени капитализма» с очевидностью демонстрирует неустрашимую «фаст-фудность» этого времени сравнительно с общеисторическим феноменом сельской общины. И конечно, историческое время, время жизни общественных форм может быть значительным или, *наоборот, только в сравнении с другими формами, а не с* микроскопическим масштабом индивидуальной жизни. Маркс, в других текстах признававший «зрелость капитализма», его готовность к преобразованию в нечто иное, видимо, ошибался, ибо эта незначительная рядом со временем истории общины социальная форма в XIX в. только-только рождалась, выходила на свет божий. Но этот «момент» в историческом времени (сравнительно со временем жизни сельской общины) вполне может быть представлен в виде броделевского «долгого времени», поскольку люди судят с точки зрения временности индивидуального существования. И это так, хотя само «долгое время» капитализма, возможно, не более чем некий момент сравнительно со временем существования той же сельской общины. Поэтому и представляется, что наименование замечательной книга Дж.Арриги «Долгий двадцатый век» имеет некоторый оттенок комизма. Скорее всего, «век» может быть долг только в масштабе индивидуального восприятия.

Все сказанное выше никак не отменяет того общеизвестного обстоятельства, что именно комплекс идей, связанных с объяв-

лением «своего времени» началом всех начал, открытием «Vita nova» в той или иной отрасли культуры или сразу во всем отличает XX в. от всего до него существовавшего. Полному финишу соответствует абсолютный старт. Отмена или отбрасывание всего, что было «до нас», требование начинать отсчет времени с себя служит нормативом для манифестов и программ в социальном практике XX в. В этом «веке инноваций и революций» под норматив абсолютной новизны легко подводится не только разнообразие политических превращений, но и деятельность таких почтенных персонажей, как Генри Форд или Коко Шанель, Том Тернер или Билл Гейтс, не говоря о наглядности явления атомной бомбы. Начался же этот процесс тотального обновления значительно раньше. Можно в этой связи вспомнить «Манифест коммунистической партии». В задорном сочинении очень молодых Маркса и Энгельса объявляется о конце капитализма и начале (после политического переворота) коммунизма, о котором конкретно они еще ничего сказать тогда не могли. Напомним, что ликвидация частной собственности есть не более как простая расшифровка основного смысла слова «коммунизм».

Получается, что в каких-то аспектах конец капитализма и начало коммунизма у Маркса с Энгельсом – это двойная утопия: конец того, что не кончается, и начало того, что еще даже не начинается. Конечно, и у всех прочих заявителей во всех сферах деятельности чаще всего получается нечто схожее. В то же время это некий общеисторический диагноз, который данные авторы обосновывали и корректировали всю свою жизнь. Отметим, что сам Маркс ввел соображения о промежуточном периоде, когда оба общественных строя должны бы существовать в некоем «миксте»; это высказано, во-первых, в «Критике готской программы», и, во-вторых, в приведенном нами выше тексте из черновиков письма к В.Засулич, где он и самый капитализм объявил чем-то промежуточным и кратким. И большую временную определенность этим «промежуточным состояниям» социума Маркс придать не решился, ограничившись неопределенным «короче – длиннее». Добавим, что он в старости активно занимался вопросами общеисторическими, много читал по проблематике общинного землевладения и поэтому пришел к более взвешенному и реалистическому пониманию «временности» капитализма⁶. Однако суммарный, наибо-

лее обобщенный и мегаисторический подход к развитию общества был им намечен уже в «Экономических рукописях 1857–1859 гг.»⁷. Если приглядеться, то капитализм у Маркса – завершающая фаза действительно продолжительного во времени процесса развития социума, преобразование которой в «свое иное» трудно представить в виде какого-то краткого акта.

Таким образом, получается, что капитализм как «общественная форма» пока не обеспечивает себе достойного конца, и надежды на этот вариант в ближайшем «завтра» иллюзорны. Он все еще в своем начале, хотя как «общественная форма» он и сам есть только промежуток и одновременно результат всей огромной истории частнособственнического общественного устройства и начало чего-то нового. Его отрицание в виде новой формы общественного устройства также уже просматривается.

Нам представляется, что праксис социального государства, введенный в действие лейбористскими послевоенными реформами, а до них – и значительно радикальнее – социалистическими преобразованиями в России после 1917 г., вполне недвусмысленно это исторически новое репрезентирует. Но, видимо, считать эти инновации собственно началом (в гегелевском смысле) становления социализма-коммунизма не следует, ибо они таковыми еще не являются. Или, в другой терминологии, мы здесь имеем дело с самоотрицанием общественной формы, с имманентной данной форме негацией, а не с решительным скачкообразным действием, рождением новой формы. В этом отношении и российская революция 1917 г. по своему историческому смыслу отнюдь не соответствует тому «имиджу», который она получила во мнениях своих приверженцев и врагов.

2. Первые ростки социального государства в русском социализме XX в.

Общеизвестно, что взявшие в 1917 г. в России власть большевики впервые в истории объявили курс на построение социализма. Это по многим параметрам отлично от концепций и праксиса социального государства в Европе и мире во второй половине века. Самое главное различие в вопросе о частной собственности, ко-

тору социалистическое сознание, базирующееся на марксизме, принципиально отрицает. В СССР она была ликвидирована, и долгое время множеству людей казалось, что сделан главный шаг по устранению капитализма. Но так ли это? Критерием «социальности» является не только специфика собственности, плановый характер хозяйства, идеологические идентификации и даже не равенство в распределении. Все это важно, но вряд ли может быть названо конечными целями социального переустройства. Между тем, начиная, кажется, с Ш.Фурье, который выразил эту мысль применительно к положению женщины в обществе, к этим критерием также должна относиться степень реальной социальной защищенности наиболее слабых и незащищенных членов сообщества, самых низов «угнетенной и униженной массы». Тех, кого еще Аристотель не считал людьми полноценными, т. е. способными существовать независимо от чужой воли: рабов, женщин, стариков и детей... И если рабство было к XX в. худо-бедно, не до конца, но изжито, остальные три варианта «неполноценности», невзирая на весь социальный прогресс мировой цивилизации, по сей день остаются в своей нише слабости и незащищенности. Мы сейчас не учитываем культурно-цивилизационные варианты компенсации этой неполноценности, они есть, но всегда были недостаточны. А ведь это только иллюзия, что речь идет о «социальных слоях», группах или меньшинствах. Женщины суть половина в населении, детство и старость – всеобщие характеристики. Получается, что так или иначе социальный пресс, «железная пята» давит не одних пролетариев мужского пола, а почти всех людей, минус ненасытная стая делящих между собой прибавочный продукт общественного труда, как сказали бы марксисты. Данное положение с социальными правами человека признано как должностное быть устраненным, о чем говорят документы и декларации международных организаций. Также известно, что такое устранение в реальности идет различными темпами на планете и часто сильно тормозится сознательными действиями власть предержащих.

Если вспомнить гегелевское различие позитивной и негативной сторон во всяком существовании (например, позитивная и негативная свобода), то социальные практики в деятельности государств явно относятся к негативной стороне, к «моменту отрицательности», хотя это и у Гегеля не одно и то же. Речь идет не

об улучшении – усилении – укреплении существующего, а о ликвидации – уничтожении – избавлении от него без всякого «снятия». Эти процессы в реальности разнонаправлены, а их объект системен, там все соединено и сращено, хотя уничтожение одного аспекта вовсе не подразумевает автоматически расцвет и укрепление другого. Более того, уничтожение некоторой «свинцовой мерзости» не значит исчезновения мерзости как таковой, просто уровень «свинцовости» несколько уменьшается. От этого процесса, конечно, нужно отличать позитивное движение в социуме, которое легко иллюстрируется, например, достижениями медицины и определенных сфер промышленности или прямым линейным прогрессом военной техники, пенитенциарной системы или так называемого «освоения космоса». Поэтому в источниках социализма и социального государства непременно нужно указать на жесточайшую людоедскую активность юного капитализма и по всем статьям чрезмерное, угрожающее самому существованию «низов» ухудшение их положения. С революциями или без оных, но что-то делать было нужно, чтобы отойти от предельных, «пороговых» ситуаций в социальной сфере. Эти соображения можно бы считать итоговыми для времени начала реформ Бевериджа для Европы, но в России все началось раньше и иначе.

Русская пролетарская революция 1917 г. обязана была создать и создала некую программу в социальной сфере, ибо объявила себя социалистической. Почти сразу же после переворота, во время и после гражданской войны были предприняты определенные исторически инновационные действия. Юридическое равноправие мужчины и женщины, причем полное, за которое Ленин практически извинялся, по воспоминаниям К.Цеткин, поскольку считал это равноправие только формальным, опережающим реальные возможности, защита материнства и детства, бесплатное образование и здравоохранение, государственное пенсионное обеспечение – все это было постепенно введено и развивалось. Что-то быстро, что-то весьма замедленно. В какой степени удовлетворительно? Не думаю, что достаточно – прежде всего потому, что многое начиналось почти с нулевого уровня. Например, защита детства началась с государственных забот о беспризорных детях, коих было множество после гражданской войны, а развитие образования – с ликвидации неграмотности и т. д. Все постепенно развивалось, но

вне первостепенных задач государства, которые концентрировались вокруг процесса индустриализации и подготовки к неизбежным войнам. Поэтому понятно, что все, исходящее от государства, в свете социалистической идеологии воспринималось людьми как должное и в целом казалось минимальным, что, вообще-то, естественно для не слишком богатой страны, тратящей свой тощий бюджет на «оборонку», как теперь выражаются. К финалу же советской власти все это, вся социальная сфера, вызывало уже изрядное недовольство. Однако сравнительно, например, с США, где только собираются вводить всеобщее медицинское страхование, а пока, в XXI в., там миллионы людей не имеют гарантированной медицинской помощи, «социалистичность» = «социальность» упомянутых отечественных преобразований не вызывает особых сомнений. В целом же мы обязаны заключить, что более высокого развития социализм как социальное государство в России не получил или не успел, а точнее, и не мог получить, причем, как нам кажется, по аналогичным с несоциалистическим вариантом «социального государства» причинам.

О чем идет речь? Оказалось, что выполнением проекта социального государства, равно как и национализацией производства, не было затронуто главное, что мучает людей и вызывает либо смутные, либо идеологически выверенные стремления к социальным преобразованиям. Дело в том, что основа всех основ социальной системы капитализма – его производственная сфера – как в технико-организационном смысле, так и по форме, т. е. в плане общественных отношений оказалась практически нетронутой. В советское время об этом было невозможно писать, поскольку слишком многое уже было написано, например, Г.Маркузе. Позднее подобное сделалось неприличным, ибо в обличителях сошедшего с исторической сцены русского социализма заметен явный перебор. Оказалось, что проблем преобразования сферы труда политическое и социальное равноправие, ликвидация частной собственности, развитие науки, образования, здравоохранения и т. д. не решают и решить не могут ни по форме, ни содержательно. Труд оставался тем же самым наемным трудом, только с государством в роли капиталиста. Можно ли говорить о каком-то социализме, если большая часть населения занята в одном и том же, как на всей индустриализированной планете, промышленном и сельско-

хозяйственном производстве? Если и в сфере услуг то же самое? Наемный труд как историческая форма отношений между людьми предполагает, причем с необходимостью, некую «субстратную основу» (техническую, организационную и т. п.) условий трудовой деятельности и ее характера. Необязательно напоминать о тейлоровских конвейерах, хотя именно они наиболее наглядно репрезентируют смысл «наемного рабства», как называл это Маркс еще при зарождении фабричного производства. Ведь они, эти конвейеры, как раз и являют собой зримый образ «отсутствия выбора», полную безальтернативность в экзистенциальном смысле этой социальной формы трудовой деятельности для работника. Какая же тут свобода, если «кто не работает, то не ест» при всех вариантах хоть политической демократии, хоть тоталитарной системы? Этот вид труда «выбирается» человеком в альтернативе отсутствия возможности жить, отсутствия средств для жизни. Или, чтобы было совсем понятно, станет ли где-то и когда-то богатый человек выбирать для собственной «самореализации» работу на конвейере? Но, с другой стороны, чем же в этом плане отличается работа на конвейере от прочих разновидностей наемного труда, причем во все не непременно физического?

То, что когда-то писал об «отчуждении труда» Маркс, наблюдатель и сейчас может узреть на любом предприятии или в любой фирме/корпорации, практически при любой форме собственности. Если бы где-то было хотя бы несколько лучше, то давно бы уже забыли о «стимулах к труду», «трудовой дисциплине», «эффективности работника», «поощрении руководителей» и т. п. Принуждение к труду отсутствует всего более там, где труд не нуждается ни в каких стимулах, где он есть самоценность для человека. Где такие эмпирии ныне находятся? Умилительны восторги певцов «постиндустриализма», убеждающих в том, что новые технологии, удовлетворение трудом, творчество и т. п. означают конец эксплуатации. Однако мировая практика пока говорит о том, что большинство человечества занимается таким трудом, который был бы сразу и без сожалений оставлен, если бы не угрозы голода и нищеты, не привычка, не страх за потомство. Удовлетворение трудом репрезентируется для этих миллиардов почти исключительно повышенной заработной платой! Но даже и супервысокая оплата труда далеко не гарантирует желанной собственникам эффектив-

ности и ответственности. Наемный менеджер обворовывает на миллионы, футболист-миллионер отбывает время на футбольном поле, не желая бегать, а офисные «труженики» увлекаются компьютерными играми в рабочее время. И это, конечно, нормально. Всякое освобождение индивида от такого труда, даже «общественно необходимого», – благо. Еще Маркс видел смысл в борьбе за сокращение рабочего дня, считал его необходимым для сохранения человеческого потенциала пролетариата, редуцированного и тогда, и ныне до статуса «рабочей силы». Движение в сторону сокращения рабочего дня от восьмичасового до разумного «гуманистического минимума» без оглядки на фетиш прибыли – этот социалистический императив как-то ныне позабыт, какую страну ни возьми. Давняя социалистическая установка на разрыв, наконец, почитаемого «естественным» единства жизнеобеспечения с необходимостью «наемного рабства», как называл это, и вполне серьезно, Маркс, также давно требует осуществления. Для начала она могла бы быть реализована как нейтрализация так называемой «безработицы», но не в плане полной занятости, а как гарантия полной социальной безопасности у отдельного человека при отсутствии труда по найму. Это было бы куда ближе к первым шагам реальной социализации. Еще более радикальным выглядит вполне последовательное в смысловом отношении требование преобразования всей огромной сферы трудовой деятельности в направлении облегчения тяжести труда, ликвидации всех тех его видов, где человеческую деятельность можно оценивать в духе Адама Смита, как «жертву», а к работающему человеку было бы возможно применять сравнение с тянущим в борозде плуг быком. Бык, как известно, есть идеал производительного рабочего в грубых квалификациях классической английской политической экономии.

Ясно, что подобных задач для себя не может ставить современное социальное государство, все-таки гарантирующее неприкосновенность частной собственности, следовательно, эксплуатацию и прибыль от нее. Но осознавалось ли это при строительстве социализма? Видимо, ни о чем похожем ни В.И. Ленин, ни его наследники в СССР не смели и думать как о реальных делах. Они не желали и не могли быть «утопистами». Если присмотреться, история социального развития России до 90-х гг. XX в. есть наглядная демонстрация абсолютного подчинения принципу полной занято-

сти, хотя и не в кейнсианском понимании, но по смыслу недалеко от него отходящем. И понятно, отчего. Если борьба с безработицей есть одна из важных сторон деятельности социального государства и одновременно некий жупел для его противников, то достижение положения, когда безработица как таковая отсутствует, выглядело значительным достижением социализма, особенно в глазах людей наемного труда. Однако понимало ли социалистическое сознание русского типа различие между полной занятостью и отсутствием принудительно-экономической мотивации к трудовой деятельности? Нет, конечно. Рабочий не может требовать уничтожения фабрик, крестьянин не мечтает о ликвидации промышленного животноводства и полеводства. Этот социализм в значительной мере аккумулировал эгалитаристские настроения и надежды того класса, который его вожди официально представляли. Я бы не осуждал за столь приземленное суждение о социализме, как о «царстве всеобщего труда» или «единой фабрике» (В.И. Ленин), это объяснимо и простительно для первой половины XX в. в России. Однако социализм как «царство победившего труда» – это нонсенс.

Как бы то ни было, социализм с русской спецификой вовсе не исключает возможности реализации некоторых социальных программ, типичных и для социального государства. Мы уже согласились с тем, что программу такового в СССР как-то выполняли, причем многое было сделано неплохо. Но важно отметить, что советский правящий режим, еще в 30-е гг. объявивший, что социализм уже построен, как раз к своим социальным обязательствам относился двойственно. С одной стороны, он никак не мог отказаться от них и был обязан их выполнять. Вся система была выстроена так, что антисоциалистическая политика была невозможна. Возврат к системе частной собственности, к классовому обществу и ликвидации институтов социального государства реально не просматривался, о чем справедливо пишут «левые» теоретики⁸. С другой стороны, владевшие реальной властью в стране слои государственно-партийной верхушки были фактически далеки от интересов тех, кого они представляли. «Униженные и оскорбленные» в пределах их собственной компетенции не входили в разряд государственных приоритетов, их поддерживали как некую обузу и тяжесть, как лишние расходы в тощих советских бюджетах. Экономия на образовании, здравоохранении, жилищном стро-

ительстве (напомним, жилье было бесплатным для получателя и почти таковым же для пользователя), «остаточное» финансирование культуры и науки были для сложившейся системы столь же неизбежными, сколь и неустраняемыми.

Болтовня же об особых политических и экономических условиях, необходимых для развития-расцвета праксиса социального государства, типичная для либеральных теоретиков и простых советских идеологов, не должна убеждать мало-мальски разумного человека. Никакое государство в мире не тратит на своих граждан, нуждающихся в поддержке и помощи, больше, чем на пушки и ядерные бомбы; возможно, исключения составляют нейтральные страны. В данных обстоятельствах говорить о фактически существовавшем социализме как о более или менее адекватном воплощении смысла этого понятия мы имеем право, ничуть не большее, чем Б.Бруцкус или фон Мизес, думавшие, будто без частной собственности невозможны нормальная бухгалтерская работа, ценообразование и оплата труда. Или, пользуясь заявленной в начале нашей работы терминологией, «эмбриональность» капитализма означает то же самое и для социализма в первой половине XX в., да и позднее. Это был социализм без экономической основы, без последовательной социальной политики, далекий от примененного нами к капитализму критерия субстанциональности. Он нуждался в слишком многом, далеком от «социалистичности», чтобы соответствовать своему понятию, как сказали бы гегельянцы. А мы считаем, что невозможность избавления от проклятия наемного труда прямо переводит этот отрезок истории в разряд социалистического эксперимента, не выходящего в целом за общие пределы капиталистической общественной формы, хотя эти пределы и приближающегося. И в этом плане мы считаем эксперимент в целом весьма успешным.

3. «Социальное государство» без социализма

Движение капитализма, постепенно захватывающее весь мир, происходит неравномерно и растягивается во времени. Всевозможные частные особенности этого общего процесса, разнообразие специфических видов и смещений, доставляющих работу

любителям классификаций, исключают создание некоторой общей картины, да и устареть такая «карта мира» должна еще в момент замысла, даже не написания. Чтобы что-то зафиксировать, чтобы понять смысл и направление такого исторического процесса, следует увеличить масштаб его рассмотрения в пространстве и времени, а это чревато трудностями в понимании исторических ситуаций, того «мига между прошлым и будущим», в котором пребывает всякий якобы-наблюдатель истории. Это касается и современного состояния социального государства.

Как уже было сказано, для социального государства, институты и праксис которого получил развитие в мире во второй половине XX в., основным его отличием от русского варианта социализма было сохранение принципа частной собственности на средства производства при постепенном во времени росте общественного сектора. Хотя и с различной стратегией и тактикой, разными путями и темпами, многие национальные государства принимали на себя функции предоставления социальных услуг либо для всего общества, либо для определенной его части, уже не сводящейся исключительно к имущему классу. Объем и качество социальной помощи–поддержки–обеспечения и т. п. в мире национальных государств зависят от многих факторов: экономических, политических, религиозных, культурных – и обеспечиваются в основном методами «перекачки» средств и ресурсов, собранных посредством налогообложения, в сферы жизнеобеспечения «сырых и убогих». Варианты, повторяем, весьма разнообразны, но суть их едина и двусоставна – сохранение основной несущей конструкции капитализма сочетается с обретением праксисом социального государства важнейшей функции легитимации данного типа общества и государства, а вместе с этим и закрепления–оправдания собственного существования.

Функция легитимации наличного состояния капиталистического общества крайне важна как для общества, так и для самого социального государства. Ведь в реальности, несмотря на массивное воздействие всеохватывающей идеолого-пропагандистской системы, ее влияния недостаточно для получения прочного эффекта гегемонии в грамшианском смысле. Конечно, всесторонняя обработка мозгов гарантирует в определенном диапазоне достижение должной «одномерности» (по Маркузе) и управляемости.

Однако она же, эта обработка, и постоянно девальвируется вследствие собственной избыточности и, соответственно, эфемерности. В принципе для поддержания легитимного порядка нужны и практические подкрепления. С древности государства поддерживали социальный порядок и собственный властный авторитет ограниченным набором практик, где важнейшей была, повторяем, идеологическая (основной исполнитель – церковь), затем правовая, далее система пенитенциарного насилия и, наконец, манипуляция сильнейшими мобилизационными эффектами внешних угроз, войн, поражений и побед. Этого было почти достаточно для Гегеля и вполне хватало для Карла Шмитта. Однако со временем этого стало явно мало, и по многим причинам. Практики социального государства – историческая инновация, неотъемлемая от общей демократизации политической жизни, выборов, борьбы за симпатии голосующих масс, роста общей образованности и, что еще важнее, общего экономического роста, необходимости обеспечивать платежеспособный спрос и оттого всевозможного увеличения «средних классов»⁹. Прикармливая, вы приучаете приручаемого к себе, ваше существование для него легитимизируется, степень враждебности уменьшается. В литературе часто предполагают, что появление социального государства было инициировано соревновательным импульсом, исходящим от русского социализма. Но вполне разумно заключить, что эти практики порождены самим капитализмом, имманентны ему и в определенных пределах необходимы.

Пределы развитию социального государства наличествуют в самом общественном строе капитализма. Напомним, капитализм понимается в нашей теоретической традиции как отношение наемного труда и капитала, подчиненное высшей цели – капиталистическому накоплению. Под последним, видимо, понимается получение наивысшей возможной прибыли, реализующейся большей частью в улучшении и развитии производственных систем и в потреблении собственников. Практики перераспределения, осуществляемые социальным государством, наиболее приемлемы для собственников и эффективны при наличии избыточного капитала, т. е. прибыли, уже не вмещающей в расширение производства и потребление частных собственников. Такое случается прежде всего в богатых странах, т. е. в странах центра мир-экономики, но

не только здесь. Избыточный капитал растекается по различным направлениям, в том числе и на финансирование различных социальных программ. Собственно, и в социалистическом варианте социального государства все обстоит точно также, минус потребление собственников.

Однако уменьшение избыточного капитала или вовсе падение прибыли от производства и торговли, что периодически происходит, ставит предел перераспределительной активности государства. Еще более строгое «табу» возникает в капиталистическом варианте социального государства, если таковое так или иначе покусится на общие пропорции распределения, на защищенные статьи расходования общественного продукта (расширение производства и потребление собственников). Властвующее меньшинство прекрасно умеет отстаивать свои фундаментальные интересы, конечно, в разных странах по-разному, и социальных практик, покушающихся на общий порядок вещей, пока не наблюдается. Причем речь идет о странах, традиционно признаваемых лидерами в плане развития социальных практик, например, о Швеции¹⁰. Вообще же появление социального государства в Европе и США, не говоря уже о менее обеспеченных частях планеты, сопровождаются бесконечными сетованиями на предмет расточительности, дороговизны, ненужности или моральной вредоносности этих практик. Бесчисленное множество исследований о социальном государстве, его функционировании в разных политических и социальных системах, управлении его практиками и т. п. – целая теоретическая индустрия! – почти лишено интереса к кардинальному вопросу об увеличении доли социальных статей в бюджетах своих стран. Если об этом и пишут, то больше как об угрозе экономическому развитию и неразрешимом наборе проблем (например, старение населения и необходимость увеличивать пенсионные фонды и расходы на здравоохранение).

Прогрессивное налогообложение – «ресурсное вымя» государств – стараются заблокировать от излишне старательных «доильцев» экономическими и политическими средствами: вывоз капиталов, «бегство фабрик», неоконсервативные реформы в духе Тэтчер–Рейгана и т. п. Идеолого-пропагандистская машина выдает мультисериалы об ответственности индивидов за свое будущее (самонакопление пенсий), об успехах активных бизнесменов, о го-

сударственной коррупции и безнравственности сидения на социальном пособии и т. п. В целом же тезисы о вине бедняков в своей бедности, слабых – в слабости, представления о набитом кармане как о свидетельстве гражданства в обществе нищезанятых «сверхчеловеков» лежат в основе буржуазного сознания – ныне, как и «во времена Веспасиана».

Хотелось бы отметить деталь, часто опускаемую в работах о социальном государстве как маловажную, что неверно. Рост социальных практик в Европе после второй мировой войны вовсе не случайно наиболее четко проявился в странах, волею политической судьбы минимализировавших свои оборонные расходы. Это касается нейтральных государств (в Швеции дополнительным фактором служило длительное пребывание у власти социал-демократов) и стран, войну проигравших и ограниченных в данных расходах решениями стран-победительниц. В системе государственных бюджетов средства, идущие на цели милитаризации, редко подвергались серьезной экономии, а армия, вооружение – главная статья расходов, вполне могущая (при переходе известных границ) просто подорвать экономическое положение государства. Отметим, что в течение долгого времени своего существования такой военный блок, как НАТО, перекладывал ответственность за защиту мира западных демократий на США, что имело видимое выражение в расходных статьях бюджетов этих стран. В этом видится одна из причин различий между степенями развития социального государства в Европе и во владениях ее заокеанского патрона. Аналогично, недостаточное внимание к проблемам социального государства в бывшем лагере социализма во многом коренится в условиях «холодной войны» и стараниях не отстать в развитии «человекоубойной» промышленности от более богатых США. И хотя кажется, что времена изменились, негативное воздействие дорогостоящих военно-промышленных комплексов на возможности расширения практик социального государства остается общим правилом для всех национальных государств.

Становится понятно, в чем, кроме общего роста производительности труда и, следовательно, материального богатства общества, кроются источники роста, развития, повышения эффективности практик социального государства без отказа от принципа частной собственности. Или, другим словами, на что можно на-

деяться и за что бороться. Имеются в виду «левые силы», не уповающие на чисто революционные преобразования, но, однако, и не смирившиеся со «свинцовой мерзостью» системной атаки против социального государства, начатой неоконсерваторами во второй половине XX в. Таких возможностей есть, по меньшей мере, две: во-первых, изменение пропорций раздела общественного продукта в пользу неимущих классов посредством активной налоговой политики. Во-вторых, уменьшение доли чисто непроизводительных расходов государств, среди которых наиболее весомы расходы на оборону. В этом случае, при условии относительно приемлемой степени экономического развития, страна как социальное государство может развиваться, не выходя за исходные ограничители.

Однако все-таки нужно признать, что эти возможности куда как непросто реализовать. Пока студенты выходят на демонстрации с требованиями снизить оплату за обучение, а не за введение всеобщего бесплатного образования, «общественному пирогу» не грозит опасность значительного передела... «Латание социальных дыр», лечение «социальных недугов» способами знахарства, средствами «плацебо» может продолжаться сколь угодно долго, если нет прямого массового давления со стороны «униженных и оскорбленных», нет эффективных политических действий и программ.

Нужно отметить, что даже при минимальной степени успешности налоговой политики государства и максимальной удаче сопротивления «защитников родины» сокращению военных бюджетов для практик социального государства еще остается определенное жизненное пространство. Оно заключено в высокой жизнеспособности, позитивной эффективности традиционных сфер деятельности социального государства, прежде всего – здравоохранения и образования. При всей исторически наглядной слабости и «вторичности» их существования в качестве структур государства (еще В.О.Ключевский заметил, что активность очередных «реформаторов» в государстве прежде всего обращается на беззащитные структуры образования) они столь укоренены, столь витальны в человеческом жизнеобеспечении, что устранить их невозможно в принципе.

Да никому это и не нужно, поскольку научно-техническое обеспечение основных сфер жизнедеятельности подразумевает их наличие. Иное дело, что возможности современного государства при

имеющихся лимитах наполнения и сетке распределения бюджетной корзины принудительно ограничены.

В итоге приходится отметить, что социальная политика в двух ее вариантах, предложенных XX в., (социализм и социальное государство), вполне соответствует современному состоянию капиталистической формы общества, которую мы признали ранней или зачаточной, не достигшей своей относительно полной реализации. Это не означает, что от развитого капитализма следует ждать слишком многого, особенно людям наемного труда. Но и опасаться, подобно А.Негри, появления какой-то всесильной и всепорабощающей Империи нет достаточных оснований. Капиталистический тип общественного устройства, при всех его гигантских негативных сторонах, все же способствует развитию производительных сил, потенций человеческого рода. Увеличение общего материального богатства, рост возможностей личностного и социального развития этот общественный строй также частично допускает. То, как это осуществляется, может быть приемлемым лишь для публики, о которой не хочется говорить из-за отсутствия соответствующей лексики в политкорректных словарях. Поэтому сохранение и развитие социального государства как совершенно необходимой защитной тактики большинства от постоянного же стремления власть предержащих минимизировать эту защиту становится едва ли не основной формой того, что в XIX–XX вв. именовалось классово-борьбой. И нельзя сказать, чтобы эта борьба не имела шансов на успех: ведь социальное государство возникло и существует, несмотря ни на что. Довольно презрительное оценочное отношение «мир-системников» к праксису и итогам послевоенного «славного тридцатилетия», конечно, несправедливо, поскольку к началу XXI в. стало ясно, что речь идет о планетарном и необратимом процессе. Вполне допустим осторожный оптимизм, если историческое время не измерять крохами индивидуального существования.

В заключение хотелось бы заметить, что не только появление и развитие социального государства зафиксировало себя как необходимая «негативная» сторона раннего капитализма. Традиция более brutальных попыток радикального изменения данной общественной формы также имманентна этой форме, и ее реальная манифестация в виде Октябрьской революции и 70-летней истории СССР

никоим образом не случайна. В этом отношении крайне интересен также опыт Кубы, чем бы он ни закончился. Мне представляется, что на этом пути возможны определенные успехи, поскольку, как отмечают любящие феноменологическую строгость социологи, «капитализмов много». Вариации основной общественной формы в определенных социокультурных условиях могут быть существенными, а это означает и множественность «социализмов», если движение пойдет по этому пути. Эталонов нет. Конечно, все то же самое относится и к социальному государству без социализма, эксперименты такого рода неизбежны при появлении определенных исторических ситуаций в различных странах и регионах.

Более того, не надо быть пророком, чтобы предположить, что при ослаблении национальных государств и усилении *над*национальных типов государственности масштабы подобных экспериментов неизбежно возрастут. Кто знает, может быть, и вариант мировой революции, дразнивший большевистско-коминтерновское сознание, обретет статус вполне реальной возможности. От того, в какой степени это доступно пониманию властвующей элиты, зависит ее судьба и варианты развития событий. Многолетнее «мене, текел, фарес» в исполнении И.Валлерстайна тоже говорит о вполне возможном, хотя теоретические обоснования, им предлагаемые, могли бы быть поубедительнее. Но, конечно, вариант продолжения исторической эволюции социального государства и постепенный переход его за пределы естественных ограничений всякого капитализма представляется крайне желательным.

Пока же максимум «социально-социалистических мечтаний», наилучшим образом выраженный Ф.Джеймисоном, подразумевает «скромный социальный минимум» для всех людей, позволяющий не опасаться безработицы¹¹. Конечно, и это неплохо, если учесть, что пожелание Ф.Джеймисона вряд ли адресовано тем государствам Африки или Азии, откуда в благополучную Европу движется волна за волной эмиграция. Но и здесь, как мы видим, случаются экономические кризисы, и социальные гарантии могут резко девальвироваться. Последнее особенно поучительно, поскольку после десятилетий убеждения людей, что они уже попали в «золотой миллиард», живут в «обществе потребления» и всяческого благополучия, им предлагают затянуть пояса потуже и радоваться пособиям по безработице, ибо африканские искатели счастья в Ев-

ропе не имеют и таковых. Грустно об этом писать, даже находясь в свободной и демократической России, где за саму возможность подобных высказываний так и хочется кого-то душевно поблагодарить. Может быть, Бога?

Примечания

- ¹ См.: Мысливченко А.В. Соотношение экономической власти и политического регулирования в социальном государстве // Политико-философский ежегодник. Вып. 2. М., 2009; Сидорина Т.Ю. Два века социальной политики. М., 2005; Хабермас Ю. Кризис государства благосостояния и исчерпанность утопической энергии: Полит. работы. М., 2005.
- ² Арриги Дж. Долгий двадцатый век: Деньги, власть и истоки нашего времени. Территория будущего. М., 2006.
- ³ Арриги Дж. Адам Смит в Пекине: Что получил в наследство XXI в.. М., 2009.
- ⁴ Валлерстайн И. Исторический капитализм // Альтерглобализм / Ред. А.В.Бузгалин. М., 2003. С. 123.
- ⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Избр. соч.: В 9 т. Т. 6. М., 1987. С. 63.
- ⁶ Андреев И.А. Рукописная страница истории марксизма. (Проблема общины и рода в рукописях К.Маркса 70–80-х гг.). М., 1985.
- ⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. Т. 46. Ч. 1. С. 105.
- ⁸ Кагарлицкий Б.Ю. Марксизм. Не рекомендовано для обучения. М., 2006. С. 369–372.
- ⁹ Баллаев А.Б. Проблема средних классов в творчестве Маркса // Политико-философский ежегодник. Вып. 2. М., 2009. С. 75–95.
- ¹⁰ Мысливченко А.Г. Указ.соч. С. 104–105.
- ¹¹ Джеймисон Ф. Реально существующий марксизм // Логос. 2005. № 3; Райт Э.О. Принимая социальное в социализме всерьез // Там же.